

ЗАВТРА АРТИСТУ ТЕАТРА КОМЕДИИ, ЛЮБИМЦУ ПУБЛИКИ ИСПОЛНЯЕТСЯ 75 ЛЕТ

Когда ваш корреспондент позвонила артисту, чтобы договориться об интервью, подумала сначала, что ошиблась номером. Юношеского задора, звонкости и запала в голосе — ой-ой-ой... А еще актер, уже несколько лет играющий Сарафанова в «Свиданиях в предместье» и, по собственным словам, ощущающий себя старым, может кому угодно дать фору по части юмора и таланта рассказчика — а это требует ох как много энергии...

Анатолий РАВИКОВИЧ:

Пользуюсь своей узнаваемостью во всех больницах

Фото Натальи ЧАЙКИ

АРТИСТУ НУЖЕН ПОКОЙ

— Анатолий Юрьевич, вас ведь когда-то в ЛГИТМиК Хохлов, на курсе которого вы учились, взял чуть ли не условно, оговорив, что доказывать право быть артистом вам придется долго. Когда вы почувствовали, что все доказали?

— В Театре имени Ленсовета. Признание меня как артиста в труппе Владимиров было постепенным. Я очень завишу от мнения окружающих: если меня хвалят, я чувствую себя хорошим артистом, а вот на критику реагирую болезненно, вплоть до того, что порой думал — надо уходить из театра. Похвалил меня главный режиссер — все, я хорош. На следующей репетиции он же сказал мне: «Толя, я не понимаю, что вы там делаете... Когда вы текст будете знать?», и я уже думаю, что я непрофессионален, не умею ничего... И зажимаюсь и начинаю кривляться... Для меня, как для артиста, важно быть внутренне спокойным, тогда я могу сосредоточиться, никуда не спешить, ничего не форсировать. Почему многие срезаются на вступительных экзаменах в театральные институты? Стараются слишком! А нужен ПОКОЙ! Я как-то сказал Геннадью Хазанову, с которым играю в антрепризе «Ужин с дураком»: «Гена, не настаивай!» Он умница, все понял: не надо, как Петросян, нажимать, форсировать текст, смеяться раньше зрителя. Зритель сам все должен понять, нельзя настаивать, надо быть внутренне свободным. Когда я учился, Борис Вульфвич Зон предлагал нам упражнение, чтобы учиться внутреннему покою: студенты садятся в кольцо, а один кто-то садится в центре. «Что мне делать, Борис Вульфвич?» — «А ничего не делай, просто сиди...» А это невозможно — просто сидеть, когда на тебя смотрят двадцать человек. Начинаешь моргать, перхаться, ерзать, пукать... А надо сосредоточиться и думать о чем-то своем, как будто никого вокруг нет. «Четвертая стена», отделяющая сцену от зрителей, отсюда и родилась, что нужен покой. Тогда на сцене и будет реалисти-шоу...

НА СЦЕНЕ НЕ ПОСПОРИШЬ

— Неужели от зрителей вы совсем не зависите?

— Я работал после института в провин-

ции четыре года (три года в Комсомольске-на-Амуре и год в Сталинграде) и понял, что оттуда надо литься, потому что публика оказывает давление на тебя. Когда ты играешь, как тебя учили (проживаешь, не наигрываешь, используешь тонкие приспособления), а твой партнер, который давно в этом театре играет, ничего не проживает, а все что-то записывает на полях роли, ты рано или поздно спрашиваешь, что он там пишет. А он говорит: «Вот тут у меня трюк будет, тут я штаны сниму, тут сорву аплодисменты, а остальное не важно». Он-то идет по роли от репризы к репризе, от смешного к смешному и имеет успех. А я не имею, потому что перед уходом со сцены я ради смеха публики не делаю «алле!» и не подаю последнюю реплику как «юморист». Требуются большая воля, умение анализировать и бить себя по рукам, чтобы не делать этого. Сколько в провинции загубленных талантов, которые учились играть на штампах! Сколько провинциальных актеров приезжают в столицы и не могут здесь играть, потому что они выучены этой зрительской школой: герой должен разговаривать мужественным голосом, комик должен комиковать... А

«Вечёрка» поздравляет замечательно-го артиста с наступающим юбилеем и желает здоровья ему и его близким.

надо быть просто человеком — разным всегда. Только в провинции могут спросить: «А он хороший герой или плохой?» Я играю не хорошего и не плохого: я играю горе, разочарование человеческое, несчастную любовь... По возвращении в Ленинград я, конечно, имел черты провинциальные. Так, в «Пигмалионе» я должен был играть Фредди — молодого аристократа. Помню, какой я сделал себе грим: покрасил ресницы, румянец положил, покрасил губки, брови почернил... Владимиров, когда увидел, захохотал: «Молодец, Толя, смешно придумал, но так не надо. Это для фарса какого-то...» Я ведь играл человека своего возраста — нужен только тон и свое лицо. А в провинции изобрести себе новый грим при семи-восьми премьерках за сезон было обязательным делом.

— Почему так много премьер?

— Потому что зрители успевали посмотреть все за месяц-другой. И чтобы удержать, привлечь публику, нужны были премьеры. А чтобы не надоест в них зрителю, надо быть разным... Если тебя в гриме совсем никто не узнавал — было высшим достижением. А в Питере совсем другая задача: «Вот он я, посмотрите и запомните, потому что в следующий раз я появлюсь на сцене только через три года».

— Разве это плохая практика для выпускника театрального вуза — много играть?

— На голодном пайке сидеть актер, конечно, не должен, но и понять, проанализировать каждую роль при таком количестве премьер просто невозможно... Для меня вообще самый лучший период подготовки спектакля — «застольный», когда идет разбор. Здесь можно спорить, анализировать, пробовать и отмечать. Это же жутко любопытно... А на сцене уже не поспоришь.

У МЕНЯ ДВА «МЕРСЕДЕСА»

— Вы написали замечательную книгу о своей жизни «Негероический герой». А в ином жанре себя никогда не пробовали?

— Пробовал. Но думаю, что я не писатель, потому что не могу придумать свой мир (а писатель — это тот, кто его придумывает). Конечно, Довлатов пишет о том, что сам пережил, испытал, но я не считаю это писательством. Поэтому я начинаю писать, а потом думаю: «Нет, это я что-то не попал — не тот тон взял...» Или «слишком серьезно», думаю, или, наоборот, «слишком анекдотично»... А книга, которую я написал, — это то, что я рассказывал дома, в компаниях формулировал устно, а потом просто перенес на бумагу, отредактировав и добавив точные слова.

— В этой книге вы пишете, что чем дальше вы уходите от коммунистических идеалов, тем они вам кажутся привлекательнее...

— А что же тут непривлекательного? Это идеи, высказанные еще во времена Великой французской революции: свобода, равенство, братство, справедливость... Это и в Евангелии написано. Только марксизм под это подвел теоретическую и научную базу, а вообще это мечта человечества о справедливости. В какой-то мере утопия, потому что

человек все время наступает на свою психологию, потому что он не может быть счастливым, когда у всех всего поровну. Вот у всех по одному «мерседесу», а у меня (гордо, приосаниваясь) — два... (напирая на слова и выпячивая грудь колесом) Пра-ашу прощения, у меня — два-а!.. Это же от исконного желания быть вожаком в стае. Мы же все ОТТУДА, ничего не изменилось... Никакого равенства и братства не может быть, потому что это все упирается в пси-хо-ло-ги-ю... Это моя точка зрения.

— Таки у вас «мерседес»?

— Нет. Хорошая машина, но не «мерседес».

КИНО ДЛЯ ВЫГОДЫ

— Хоботов в «Покровских воротах» принес вам славу. А сейчас вы в кино снимаетесь?

— В прошлом году снялся в двух фильмах: первый про Дом ветеранов сцены. Нагнали стариков — и Армен Джигарханян, и Тамара Семина, и Татьяна Конюхова, и Людмила Иванова, и Лилита Озолина... Естественно, я играл «свою роль» — актер, немножко авантюрист, и моя фамилия там была Шапиро... Хотя чаще всего я играю гинекологов, венерологов, зубных врачей... Такая моя «клиентура» (иногда, правда, могу сыграть и «рангом повыше» — иностранцев, например французов. Эржюля Пуаро, или Тартарена из Тараскона, или кардинала Мазарини... А второй фильм про гражданскую войну в Азербайджане снимал Юлий Гусман — продолжение «Не бойся, я с тобой» с Поладом Бюль-Бюль-оглы. Таки я там директор цирка, участвую во всех событиях, и моя фамилия... угадайте, какая?

— Ну не Шапиро же?

— Именно! Других фамилий просто нет (улыбается).

— А что-то особенное хотелось сыграть на экране?

— Да ничего мне не хотелось: в кино я снимался ради денег да ради того, чтобы мясник меня в магазине узнал и кусочек получше дал.

— Ну и как, узнают?

— А как же. И сейчас я этим пользуюсь во всех больницах — совершенно другое отношение...

Беседовала Екатерина ОМЕЦИНСКАЯ